

УДК 94 (47). 081

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ОТ ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЙ ДО ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА

Е. Н. Морозова

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, morozovaen@mail.ru

В статье анализируются особенности политического процесса в постфевральский период революции, который отличался особым характером расстановки политических сил, мифологизированным общественным сознанием с его верой в чудеса и «наступившее царство свободы». В стране не сложилась новая правовая система, существовал низкий уровень общественного правосознания и политической культуры, что явилось одной из важных причин развала русской государственности, о чем свидетельствовало положение в центре и на местах. Июльско-августовские события показали, что в сложившейся ситуации ни либерально-демократический путь, ни путь установления авторитаризма в форме военной диктатуры не могли быть реализованы в России. **Ключевые слова:** Великая русская революция, политический процесс, расстановка политических сил, Временное правительство, кадеты, харизматический лидер, легитимность, государственные институты, органы местного самоуправления.

Great Russian Revolution of 1917: from the February Events to the October Overturn

Е. Н. Morozova

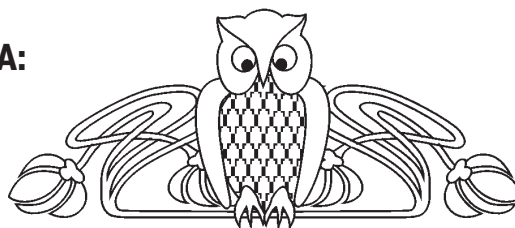
Elena N. Morozova, ORCID 0000-0003-4420-8156, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, morozovaen@mail.ru

The paper analyses the peculiarities of the political process in post-February revolutionary period which was notable for peculiar political forces arrangement, mythologized public consciousness with its belief in miracles and «setting in the realm of freedom». A new legal system was not developed, the level of public legal awareness and political culture was very low. This was one of the important reasons of Russian sovereignty downfall, the situation in the center and the province confirming this. The events of July and August demonstrated that in the current situation neither the liberal-democratic way, nor establishing authoritarianism in the form of military dictatorship could be implemented in Russia.

Key words: Great Russian revolution, political process, political forces arrangement, Provisional Government, cadets, charismatic leader, legitimacy, state institutions, local governing bodies.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-35-44

Мощный цивилизационный сдвиг, который явила собой Великая русская революция 1917 г., оказавшая свое влияние на все мировое развитие, до сих пор вызывает нескончаемые споры в среде ученых, в СМИ, в обществе¹. Об этом свидетель-

ствует то огромное количество научных конференций, которые прошли в России и за рубежом, посвященные столетию революции².

Одна из самых важных проблем связана с особенностями политического процесса после февраля, когда произошли кардинальные изменения в расстановке политических сил³. С политической арены практически исчезли правоохранные и праволиберальные партии, и роль правого крыла выпала на долю кадетов, которые в силу своих программных требований и личных представлений о путях развития русского общества не могли выполнять эту роль. В частности, кн. Г. Е. Львов считал, что «правительство должно опираться не на принуждение, а на добровольное повиновение граждан; путь гражданской войны не должен стать путем русского народа, ибо он ведет к установлению деспотизма»⁴. Министра – председателя Временного правительства – можно отнести к лидерам традиционного типа, который подвергался критике и «справа» и «слева». Г. Е. Львов в силу свойств своего характера не мог претендовать на лидирующую роль, ибо люди, близко знавшие его, утверждали, что ему было свойственно отсутствие честолюбия и желания цепляться за власть⁵.

Министр иностранных дел, лидер кадетов, П. Н. Миллюков считал выбор Г. Е. Львова в качестве главы правительства неизбежным, но неудачным политическим ходом. Миллюков обвинял его в «гамлетовской нерешительности, прикрытой толстовским непротивлением и облеченной в слащаво-елейный официально-оптимистический стиль». По мнению автора цитаты, «это было прямо противоположно тому, что требовалось от революционного премьера»⁶. Но эта характеристика Г. Е. Львова крайне субъективна. Львов был широко известен в России как руководитель Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, а затем – Земско-Городского союза. Львов до конца оставался убежденным сторонником созыва Учредительного собрания и вышел из состава правительства после опубликования последним Декларации от 8 июля, считая этот документ узурпацией верховных прав Учредительного собрания⁷.

Либеральные партии в России не имели прочной социальной базы: их взгляды поддерживались узкой средой (в основном интеллигенцией). Это доказал весь ход политического развития в постфевральский период: влияние кадетов неуклонно падало. В частности, в мае – июне 1917 г. на му-

ниципальных выборах в Москве они получили 16,8%, в Петрограде – 21% голосов⁸.

На политической арене постфевральской эпохи отсутствовал нормальный политический центр. Меньшевики и эсеры не могли занять эту нишу и в соответствии со своими доктринами, и в силу того, что сами эти партии находились в состоянии организационного раскола⁹.

На левом политическом фланге находились большевики, деятельность которых в указанный период сводилась к «стремлению слиться с массами, а затем возглавить их, поощряя наиболее ее радикальные элементы, отождествляя их с революционным творчеством»¹⁰.

Важную особенность расстановки политических сил являл собой характер партийных программ и их тактика, которая не всегда отвечала быстро изменявшимся политическим условиям. Часто программы и проекты запаздывали по времени, массы в своих требованиях уходили далеко вперед, партийные же руководители останавливались перед извечным российским вопросом: «Что делать?»¹¹ Именно в этот период особенно четко проявилась тактика «угоаривания» масс. Но они слабо разбирались в особенностях партийных программ и лозунгов, что определялось низким уровнем политической культуры населения России. Причины этого явления заключались, с одной стороны, в небольшом опыте парламентаризма, отсутствии настоящего гражданского общества в стране; с другой стороны – низком образовательном уровне большей части жителей России. Вследствие этого у населения не было осознанного отношения к политическим лозунгам и обещаниям различных политических партий. Большую роль даже для творческой элиты играли случайность и внешние формы агитации за программные установки. И. Бунин саркастически описывал выборы в волостное земство в своем уезде: «В школе проходили выборы в волостное земство по спискам 1 и 2. Какая между ними разница – ни единая душа не знает, только некоторые говорят, что № 1 больше за нас. Гурьбой идут девки, бабы, мужики, староста сует им № 1, и они несут его к урне»¹².

За эсеровско-меньшевистский блок по чисто эмоциональным причинам («едет разукрашенный грузовик, на нем солдаты, матросы, офицеры одушевленные, красивые») голосовал поэт А. А. Блок. Вместе с тем он испытывал «чувство вековой вины» «за униженных и оскорбленных» и, не понимая сути происходивших событий, с детской наивностью писал: «Швейцар был доволен. Я поступил правильно. И надо о них бедных и могучих всегда заботиться»¹³. Но сам себе он признавался, «что любит кадет по крови»¹⁴.

Политическое сознание было мифологизировано, характеризовалось верой в чудеса, в будущее сказочное царство свободы: «Русский народ обвенчался со Свободой. Будем верить, что от этого союза в нашей стране, измученной и физически и

духовно, родятся новые сильные люди»¹⁵. Можно говорить о феномене завышенных общественных ожиданий. С особенным волнением произносилось слово «товарищ». О «возрастающей радости народа» в «солнечно-морозном Марте» в своем дневнике писал М. Пришвин, с восторгом отмечая, что в стране «совершается празднество настоящей великой победы.

– Товарищи! – говорит извозчик, – посторо-нитесь.

– Товарищ! – говорит офицер извозчику, до-вези до Литейного.

Появились в ходу огромные бумажные цветы, и солдаты их лепят и на грудь и на живот»¹⁶.

Ощущение сказочности происходящего охватило все слои русского общества. Казалось, что так почти бескровно¹⁷ совершился первый акт Великой русской революции, и буквально на днях начнется небывалая новая жизнь с воплощением идей свободы, равенства и братства. Редакционная статья серьезного издания – «Исторического вестника» – была исполнена эмоций и революционного пафоса: «Над Русской землей взошло яркое солнце, живительные лучи которого должны согреть ее теплом и светом, вызвать наружу ее творческие силы, столь долго находившиеся под гнетом старой власти»¹⁸.

Российская творческая элита отождествляла социальную революцию с духовным преображением человека и общества. «Солнечно-морозный» февраль ощущался «музыкой революции» (А. Блок), «весной» (З. Гиппиус). Постфевральская атмосфера являла себя в образе «Прекрасной Дамы» (М. Цветаева)¹⁹.

Особенность политического сознания выражалась в безоговорочной вере в харизматического лидера, каковым в тот период являлся А. Ф. Керенский. Его популистские качества, умение говорить на понятном массам языке, убеждать, вести за собой, в первые месяцы революции сыграли свою роль. Он персонифицировал «благородную Февральскую революцию», став ее символом²⁰.

По мнению исследователей, Керенский намеренно создавал свой культ, используя различные пути и методы²¹. Один из них – использование фразеологии французской революции: «Российский Бонапарт», «Народный министр», «первый гражданин», «борец за свободу»²². Образ «вождя русской революции и демократии» создавали многочисленные публикации²³, фотографии, открытки и пр. Своим обликом, манерой поведения А. Ф. Керенский умело создавал свой имидж харизматического лидера. Л. Успенский отмечал, что он мог одновременно вызывать умиление у светских дам («Александр Федорович спит в спальне Александры Федоровны – какое чудесное совпадение!») и восторг масс своим демократизмом (от постоянных рукопожатий с представителями народа у него болела рука, которую он носил на «черном шелковом платке») ²⁴.

Но для Керенского, как для военного министра, была важна и поддержка армии. На многих солдат, людей малограмотных, его цветистые речи влияли магически. По газетным сообщениям летом 1917 г. (перед подготовкой наступления на фронте) во время выступления Керенского один из солдат в патриотическом порыве сорвал свой георгиевский крест и надел на грудь военному министру. Но удивительно, что магии речей Керенского поддавались и кадровые военные, те, кто прошел трехлетний тяжелейший путь Первой мировой войны. Позже А. И. Деникин отмечал, что «русское офицерство подчинилось влиянию его экзальтированной фразы, его истерического пафоса. Русское офицерство, преданное на заклятие, тогда все забыло, все простило и мучительно ждало от него спасения армии»²⁵.

Набоков, управляющий делами Временного правительства, в «идолизации» Керенского видел «психоз» русского общества. Сознательное формирование культа харизматической личности, спасителя Отечества, «провиденциального военного министра» противоречило реальным возможностям адвоката Керенского действовать в сложнейших политических условиях, тем страшнее было последующее разочарование масс. «Снижение» его образа шло стремительными темпами, превращая «Российского Бонапарта» в антипод: карикатурный образ «болтуна», «фразера», «истерика», «расхлябанного русского интеллигента», который был «ушиблен той ролью», которую история ему – случайному маленькому человеку – навязала и в которой ему суждено было так бесславно и бесследно исчезнуть²⁶.

Одна из важных особенностей политического процесса заключалась в том, что февраль поднял на поверхность «дно» общества: огромную массу маргиналов, включая и разлагающуюся армию. «Бунтующий кабак», – вот что представляла Россия по выражению некоторых современников²⁷. Ряд исследователей считает, что людей с «девиантным поведением» насчитывалось не менее 20 млн: «В какой прогрессии росла масса “революционеров” с “девиантным поведением”, какие бездны человеческого подсознания обнажались при этом – выявить все это задача достаточно сложная. В любом случае для раскрытия механизма нарастания психопатологии революции следует досконально представлять быт, нравы, мораль и “новые” (скорее перевернутые) стереотипы поведения того времени»²⁸. Все же думается, что нельзя говорить о таких космических величинах людей с отклоняющимся поведением. Вероятнее всего, нужно говорить о психологии толпы в период общественно-экономических катаклизмов. М. Горький отмечал, что «мы обязаны строить новую жизнь на новых началах», началах, которых «нет в нашем инстинкте. И нам страшно трудно будет ввести их в практику жизни, в древний русский быт», писатель опасался, что в России свобода перерастет в анархию²⁹. Недаром русская

художественная интеллигенция в этот период обращается в своем творчестве к сходным сюжетам (крестьянским войнам под руководством С. Разина, Е. Пугачева) в истории России: *И за мною не токмо что драния/ Гольтьба, а казной расшибусь –/ вся великая, темная, пьяная, / Окаянная двинется Русь...* (М. Волошин).

Серьезной проблемой постфевральского периода являлось отсутствие нормально функционирующих государственных институтов, ибо Временное правительство одновременно являло собой законодательную и исполнительную власть. Более того, до сих пор дебатруется вопрос о легальности появления Временного правительства. Точки зрения совершенно противоположны. Сторонники легальности Временного правительства опираются на два аргумента: кн. Г. Е. Львов получил полномочия от самого Николая II и Временного комитета Государственной думы, являвшихся законной властью³⁰. Сторонники противоположной точки зрения доказывают, что слабость позиции Временного правительства состояла в способе его формирования и неопределенности его правового статуса. Единственное, что придавало ему видимость легальности, был акт Михаила Александровича³¹. Авторы монографии «Власть и реформы» считают, что «с церковной точки зрения» отречение императора «противоречило акту его священного коронования и миропомозания, оно не допускалось законом. Свободу отречения имел лишь «наследник престола при определенных условиях. Закон не давал права Николаю II изменять порядок престолонаследия»³².

Общеизвестно, что 2 марта Исполком Петроградского совета вел переговоры с Временным комитетом Государственной думы об образовании Временного правительства. «И формула непредрешиения до Учредительного собрания способа государственного правления» стала формой компромисса³³. В советской историографии, как отмечает Г. А. Соболев, эти переговоры рассматривались как предательство интересов рабочего класса со стороны эсеро-меньшевистского исполкома, добровольно уступившего власть буржуазии. Исследователь подчеркивает, что отношения между этими двумя органами (Петросоветом и Временным комитетом), порожденные февральскими событиями, являлись сложными и напряженными³⁴. Петроградский совет выдвинул ряд важных условий, на которых он соглашался поддерживать новое правительство, каковые были сформулированы в Декларации Временного правительства от 2 марта 1917 года³⁵.

В исторической и историко-юридической литературе этот документ в основном оценивается с негативных позиций, как «плод ночного творчества вконец утомленных политиков», носивший компромиссный характер и повлекший самые печальные последствия. Во-первых, в нем отсутствовали самые насущные вопросы, волновавшие все население России (о войне, о

мире, о земле, 8-часовом рабочем дне, сроках созыва Учредительного собрания). Во-вторых, это соглашение произвело опустошительный разгром административного аппарата в центре и на местах³⁶. Ф. А. Гайда отмечает, что «декларация нового правительства», прошедшая цензуру Петросовета и «обещанные правительством свободы в таком объеме явно угрожали сохранению порядка в стране и были продиктованы скорее давлением со стороны широких народных масс и левого движения, нежели самой буржуазией»³⁷.

В. Д. Набоков позже, оценивая деятельность Временного правительства, утверждал, что «революция с самого начала создавала компромиссы, искусственные сочетания. Компромиссным было отношение Временного правительства к Совету рабочих и солдатских депутатов, компромиссным было и сосуществование в кабинете двух лиц, абсолютно неспособных идти рука об руку, – Керенского и Милюкова». С его точки зрения, эти «компромиссы оказались гнилыми и не остановили катастрофического хода русской революции». Но все же «они, при данных условиях, были неизбежны; отказаться от них, для нас, кадетов, означало стать на точку зрения “чем хуже, тем лучше” или – во всяком случае – умыть руки. Тем горше мы бы сознавали свою ответственность за дальнейшие события»³⁸.

Отечественная историография, обращаясь к истории формирования и деятельности Временного правительства, высказывала полярные точки зрения³⁹. Г. А. Герасименко считал, что «Временное правительство возникло на капиталистической почве, проводило политику в интересах предпринимателей и действовало на основе законов, направленных на защиту частной собственности». Даже по мере его смещения «влево» социальная природа и характер политики не менялись⁴⁰. Однако ряд исследователей подвергают сомнению этот тезис. В частности, С. В. Тютюкин утверждает, что оценка Временного правительства как власти буржуазной представляет собой прямолинейный подход и не учитывает целого ряда факторов: Временное правительство вышло из Февральской революции, и его первый персональный состав стал результатом компромисса между Временным комитетом и Петросоветом; с мая 1917 г. в состав кабинета вошли социалисты; в своей практической деятельности оно испытывало давление различных, часто антагонистических сил; проведенные Временным правительством демократические преобразования были довольно значительными, хотя «выжидательная политика кабинетов Г. Е. Львова и А. Ф. Керенского была выгодна скорее помещикам и буржуазии, чем народу. Поэтому на Временное правительство обрушилась критика «и слева, и справа», и «захватные», формально незаконные действия рабочих и крестьян. Эта ситуация, по мнению автора, объясняется тем, что Временное правительство слишком буквально понимало свой временный (впредь до созыва Учредительного

собрания) характер своей власти, отказываясь идти на крупные социальные преобразования, радикальное вторжение в систему отношений собственности и решение национального вопроса. С. В. Тютюкин приходит к выводу, что по своей сути Временное правительство являлось «правоцентристским» и стало заложником тяжелейшей и притом тупиковой ситуации⁴¹.

Некоторые исследователи полагают, что Временное правительство представляло собой «интеллигенцию у власти». По подсчетам, в четырех составах Временного правительства участвовало 38 человек (представители 10 политических партий). Большинство из них имели высшее образование (31 человек). Учеными степенями обладали 12 человек⁴². В качестве ремарки хотелось бы заметить, что наличие этих весьма важных достоинств не может автоматически определять способность человека к эффективной государственной деятельности. Именно это и доказал весь исторический опыт существования Временного правительства (и не только его). Более того, судить о способностях того или иного министра не представляется возможным, ибо большинство кратковременно пребывало на своих постах. Поэтому говорить о возможности серьезных политических и социальных преобразований в стране не приходится. В целом Временное правительство сосредоточило свои усилия на сохранении стабильности в стране, а не на его коренном изменении.

Далее деятельность Временного правительства осложнялась антиправительственной политикой партии большевиков, которые умело использовали настроения масс. Уже в ленинских «Апрельских тезисах», провозгласивших курс на мирное развитие революции, выдвигались лозунги, которые расшатывали и без того хрупкие позиции правительства: «Никакой поддержки Временному правительству», «Переход всей государственной власти в руки Советов», «Справедливый мир без аннексий и контрибуций». В работе содержались и экономические требования конфискации помещичьих земель с передачей их в распоряжение местных Советов. Эти и другие пункты тезисов – устранение полиции, плата чиновникам (при их выборности и сменяемости – не выше платы хорошего рабочего) – являлись не просто утопической частью программы большевиков⁴³, они стали основой той тактики, тех принципов, на которых строилась агитация и пропаганда большевистской партии. Далеко идущее значение этой небольшой работы первоначально не было осознано ни врагами, ни соратниками Ленина⁴⁴.

Вера российского общества в чудеса, о которой речь шла выше, постепенно исчезала⁴⁵. Массы, измученные войной, нараставшим экономическим и финансовым кризисом, требовали хлеба, мира, 8-часового рабочего дня⁴⁶, решения аграрного вопроса. Утопический максимализм населения России расходился с существующими

реалиями. Джон Рид в своей знаменитой книге отчетливо отразил общественные настроения того периода: «На все многочисленные многообразные пожелания недовольства народа существовал один ответ: “Ждите Учредительного собрания”». Но терпение рабочих и крестьян было безграничным. Они требовали мер, которые необходимо осуществить «независимо от того, будет ли созвано Учредительное собрание или нет: мир, земля крестьянам, рабочий контроль над производством»⁴⁷.

Противоречия между чаяниями масс, их завышенными социальными ожиданиями, правовым нигилизмом⁴⁸ и политикой Временного правительства привели к общеизвестным кризисам. П. Н. Милюков позже определял деятельность коалиционных составов Временного правительства как «зигзагообразную тактику», «срединную политику спасения революции». В. Д. Набоков утверждал, что Милюков, будучи в эмиграции, оправдывал свою политику последовательной защиты войны до победного конца, что вызвало первый апрельский кризис Временного правительства⁴⁹. Милюков, по словам Набокова, «не понимал, и не хотел понимать и не мирился с тем, что трехлетняя война осталась чуждой русскому народу, что он ведет ее нехотя, из-под палки, не понимая ни значения ее, ни целей, – что он ею утомлен и что в том восторженном сочувствии, с которым была встречена революция, оказалась надежда, что она приведет к скорому окончанию войны»⁵⁰.

Июльский кризис как важнейшее событие постфевральского периода до сих пор таит в себе много загадок. Была ли это стихийная демонстрация, которую большевики пытались ввести в мирное русло, или это первая попытка взять власть в свои руки? События 3–5 июля 1917 г. по-разному оценивались как Временным правительством и большевиками, так и последующими поколениями исследователей⁵¹. Следственная комиссия во главе с известным юристом Александровым, созданная Временным правительством, квалифицировала июльские события как «вооруженное восстание против верховной власти». В материалах комиссии сохранились протоколы допросов, в которых представители партии большевиков отрицали предъявляемое им обвинение в подготовке военного переворота⁵².

Но какова бы ни была их оценка, июльские события означали вступление революции в новую фазу. Представители творческой интеллигенции пророчески увидели в них знаковое явление, боясь повторения «отвратительных сцен 3–5 июля», этих «картин безумия», «кровавой и бессмысленной бойни, которая подорвала... пошатнула культурный смысл революции»⁵³. После июльского кризиса все партии вырабатывают новую тактику применительно к изменившимся условиям.

Конфликты лета – начала осени 1917 г. свидетельствовали о крахе правительственной поли-

тики «социального сотрудничества». Столкнулись теоретическая модель и реалии революционной России. Правительственная политика сдерживания социальной конфронтации воспринималась массовым сознанием как узкоклассовая практика навязывания уступок и ускорила отчуждение различных социальных групп от государственной власти⁵⁴.

Одна из сложных проблем постфевральского периода связана с состоянием управления на местах. Панорамную картину событий в провинции дают региональные исследования, которые подчеркивают своеобразие расстановки политических сил в регионах⁵⁵.

Творцы послефевральских преобразований не планировали коренных изменений в организации власти в провинции. Однако аресты представителей администрации и силовых структур, происходившие в ряде губерний, поставили вопрос о власти на местах⁵⁶. Согласно постановлению Временного правительства и телеграмме премьер-министра главам земских исполнительных органов (от 5 марта 1917 г.) со своих постов устранились губернаторы и вице-губернаторы, а их обязанности возлагались на председателей земских управ, становившихся комиссарами Временного правительства⁵⁷.

Эти документы создавали видимость легальной передачи власти на местах местному самоуправлению. Г. Е. Львов еще до революции был известным сторонником реформы земского самоуправления и свои идеи он пытался воплотить будучи главой Временного правительства. По его мнению, комиссары должны были стать посредниками между центром и провинцией⁵⁸.

Для того чтобы органы местного самоуправления могли осуществлять социально-регулятивные и охранительные функции на местах⁵⁹, Временное правительство изменило электроструктурную систему, расширило полномочия и структуру земских учреждений, осуществив переход от курриальной системы к всеобщему, прямому, равному и тайному голосованию. В двухуровневую систему бессловных земских учреждений вводилось новое звено: волостное земство, так долго чаемое земскими либералами. Местное самоуправление получало новые предметы ведения, в частности руководство народной милицией в целях охраны общественного спокойствия. Казалось бы, предпринимаемые меры носили достаточно последовательный характер, тем паче, что земские учреждения имели более чем полувековой опыт деятельности на местах. Правительство выполнило требования земского либерализма, которые особенно остро встали в конце XIX – начале XX в.⁶⁰ Но тогда реализация подобных требований отвечала потребностям времени, и, вполне возможно, раскол между властью и обществом в последующем не приобрел бы такой остроты. В 1917 г. ситуация на местах стала совершенно иной: творчество масс в провинции

опережало деятельность правительства. Органы земского самоуправления в основном действовали в русле политики Временного правительства, проявляя «непопулярную в условиях революции политику сдержанности и осторожности». Но она противоречила интересам, прежде всего, крестьянства, которое требовало немедленных и чрезвычайных мер в сфере решения аграрного вопроса⁶¹. Земское самоуправление не смогло стать проводником правительственной власти в провинции.

Ряд авторов, исследующих положение в провинции, отмечали, что здесь двоевластия не существовало, о чем свидетельствовало огромное количество различных организаций, претендующих на власть. На местах стихийно возникали абсолютно новые органы (комитеты общественной безопасности, военные, фабрично-заводские, земельные комитеты), между которыми на протяжении 1917 г. усиливалась конфронтация. В составе местных органов сосуществовали представители различных политических партий. События на местах выявили многочисленные особенности расстановки политических сил в губерниях и уездах распадающейся империи. Это было обусловлено своеобразием экономических, социальных, культурно-национальных отношений в каждом регионе огромной страны⁶².

В частности, в Саратове наиболее деятельным органом являлся Губернский исполнительный комитет (ОГИК), представлявший широкую коалицию из представителей социалистических партий, либералов, президиума местного Совета, представителей офицерства из военного комитета и нескольких человек от саратовского мещанства. Этот орган, считая себя законным преемником прежних властей, самостоятельно избрал губернского комиссара, не дожидаясь назначения на этот пост председателя губернской земской управы – К. Н. Гримма. Подобные же решения приняли и ряд уездных комитетов⁶³. Самарский Комитет народной власти, будучи одним из самых активных в Поволжье, принял собственный проект наказа уже 7 марта 1917 г., провозгласив себя представителем и помощником Временного правительства с целью установления порядка и управления в интересах закрепления нового государственного строя⁶⁴.

Расстановка политических сил менялась от месяца к месяцу. Так, в Саратове уже в апреле политическая власть сосредоточилась в руках местных Советов. В ОГИК представители социалистических партий стали играть решающую роль и в конечном итоге этот орган превратился в придаток Совета. На июньских выборах в городскую думу социалистические партии набрали свыше 80% голосов⁶⁵.

Советы постепенно превращались в центры сплочения антиправительственных сил. По мере углубления кризиса и обострения социально-политической обстановки противостояние между местной властью и советами возрастало. Об этом

свидетельствовали события в целом ряде губерний и уездов (Черниговской, Вятской, Калужской, Ростовской, Нижегородской, Киевской и др.)⁶⁶.

В деревне существовали различного рода низовые сельские и волостные комитеты. Волостные исполнительные комитеты были включены Временным правительством в систему управления на местах, но правила и нормы их функционирования разрабатывались самостоятельно.

Во всех поволжских губерниях общественные объединения, возникшие в ходе революции, проявляли разную степень активности. Все низовые крестьянские организации «стремились к черному переделу». Случаи стихийного захвата крестьянами помещичьих земель начались уже после Первого съезда Советов. Саратовская, Пензенская, Казанская, Самарская, Тамбовская губернии отличались резким ростом крестьянских волнений. Самочинные действия в деревне и радикализация настроений крестьянства объяснялись целым рядом причин: присутствием призывников, действиями революционно настроенных агитаторов, засухой лета 1917 г., хлебной монополией государства, непродуманными мерами правительства (привлечение военной силы для подавления крестьянских выступлений, увеличение сроков тюремного заключения для участников аграрных беспорядков)⁶⁷. Все это способствовало расколу между населением и властью, между городом и деревней. Как справедливо отмечают исследователи, «ничего толкового» в сфере местного самоуправления у Временного правительства не вышло, и «оно оказалось много хуже дававшего, конечно, значительные сбои в годы войны, но мощного централизованного аппарата царизма»⁶⁸.

И последняя группа вопросов, пожалуй, наиболее спорная: существовала ли демократическая альтернатива в 1917 г.? Сторонники этой точки зрения считают, что Временное правительство должно было как можно скорее собрать Учредительное собрание, решить вопрос о войне, провести аграрную и другие реформы, отвечающие интересам большинства населения России. Но Временное правительство, «завороженное словами демократия, свобода, законность», ради сохранения «высокого уровня свободы, ради державного величия России считало, что народ может потерпеть с решением социальных вопросов и вопроса о мире. И в этом состояла их огромная и так дорого обошедшаяся стране трагическая ошибка»⁶⁹.

Не удалась в России и попытка установления авторитарного режима в форме военной диктатуры. О самой организации «корниловского мятежа» красноречиво свидетельствует один из его участников. Генерал Краснов пишет, что «30 августа части армии Крымова мирно сидели в вагонах с расседланными лошадьми. Не только начальники дивизий, но и командиры полков не знали, где находятся их эскадроны и сотни. Отсутствие пищи и фуража озлобляло людей еще больше... Люди

отлично понимали отсутствие управления и видели всю эту бестолковщину, которая творилась кругом, и начали арестовывать начальников... Все разваливалось. Штабные команды никому не подчинялись и никого не слушались. Армия осталась без вождя. Предприятие Корнилова закончилось, не начавшись. Спасать Россию не пришлось, нужно было спасать офицеров»⁷⁰. Меньшевик Н. Суханов доказывал, что генералитет (Каледин, Деникин, Балугев, Клембовский) не объединился вокруг мятежного генерала, несмотря на их широкозвучающие заявления: «Как бы генералы не сочувствовали Корнилову, как бы не презирали премьера, к такой форме выступления они не были готовы. Выступить внезапно и активно против законного кадетско-эсеровского правительства они не были в состоянии»⁷¹.

Безусловно, в причинах неудач корниловского движения осталось много невыясненного и до сих пор (переговоры Керенского и Корнилова через В. Н. Львова и т. д.). Но одно остается безусловным: «корниловщина» сыграла огромную роль в дальнейшей радикализации масс и качнула маятник революции влево. Ряд историков, особенно западных, считают сомнительным, что «в тогдашней ситуации в России было возможно образование жизнеспособного демократически представительного правительства»⁷².

Кризис власти в центре проявился в спешном создании новых властных структур в условиях «междувластия» (от распада второго коалиционного правительства до создания третьего): Директории, Всероссийского демократического совещания и Временного Совета Российской республики (предпарламента). Но эти меры не могли изменить ситуацию в стране.

Современники и ученые отмечают, что в сентябре-октябре активно происходил кризис власти, перераставший в распад государственности⁷³. В сложившихся условиях необходима была партия и лидеры, которые бы с помощью популизма смогли бы манипулировать настроением масс. Н. Суханов отмечал, что в этой ситуации «большевики имели философию, стратегию и тактику переворота». Агитация и пропаганда большевиков падала на благодатную почву: «черный пиар», говоря современным языком, сводился к политическому удару против Временного правительства, которое объявлялось «шайкой узурпаторов» и «правительством мятежников контрреволюции». Одновременно продолжалась подмена одного понятия другим: «Правительство, корниловское по природе, не может не готовить новой корниловщины»⁷⁴. Но пропаганда большевиков успешно использовала и позитивные моменты, соответствующие общественным ожиданиям: народу объяснялось, что сделают Советы в том случае, если власть перейдет к ним в руки (они станут опорой Учредительного собрания и будут проводить в жизнь его начертания; дадут народу хлеб, землю, мир)⁷⁴. Такая популистская политика лишь подогрела

атмосферу. Другим направлением деятельности партии большевиков стало создание политических структур в целях захвата власти.

Особенности расстановки политических сил в постфевральский период, кризис государственности, отсутствие нормального функционирования всех институтов политической системы в центре и на местах, активизация центробежных сил на окраинах, резкое падение престижа верховной власти и ее лидеров, завышенные общественные ожидания, деструктивная политика большевиков привели к тому, что альтернативные пути развития России в сложившихся условиях не могли быть реализованы.

Примечания

- 1 Современные исследователи совершенно справедливо отмечают до сих пор сохраняющуюся в общественном сознании дихотомию восхваляющего мифотворчества («революция – локомотив истории») и идеологически ангажированного негативизма («революция – абсолютное зло»). См.: Российская революция 1917 года : власть, общество, культура / отв. ред. Ю. А. Петров : в 2 т. М., 2017. URL: <http://iriran.ru/?q=node/1697> (дата обращения: 15.09.2017) ; Февральская революция 1917 года : проблемы истории и историографии. СПб., 2017 ; Октябрьской революции – 100 лет. М., 2017 ; Революция 1917 года в России. Новые подходы и взгляды. СПб., 2015. *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010 ; Политические партии в Российской революции в начале XX века. М., 2005.
- 2 Напр. : «Столетие революции 1917 года в России» : междунар. науч. конф., 29–31 марта 2017 г. М., 2017.
- 3 И. С. Розенталь отмечает, с одной стороны, наличие нового осмысления важнейших проблем, с другой – «застарелых клише», «новейших штампов», «неожиданных новаций» в сфере изучения истории многопартийности за полтора последних десятилетия, в том числе и периода 1917 года. См.: *Розенталь И. С.* Рецензия на сборник научных статей «Политические партии в Российской революции в начале XX века» (М., 2005) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 159.
- 4 Пушкарева И. М. Г. Е. Львов // Россия на рубеже веков : исторические портреты. М., 1991. С. 179.
- 5 *Набоков В. Д.* Временное правительство // Наше наследие. 1998. № 5. С. 49–50.
- 6 См.: История политических партий России. М., 1994. С. 133.
- 7 Россия на рубеже веков : исторические портреты. М., 1991. С. 165 – 171 ; Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 197.
- 8 *Думова Н.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1998. С. 183.
- 9 История политических партий России. С. 182–190.
- 10 *Волобуев П. В., Булдаков В. П.* Октябрьская революция : новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 31. Это утверждение авторов требует некоторого уточнения, связанного с отсутствием единства в

- самой партии большевиков. Об этом свидетельствуют выступления Л. Б. Каменева по основным вопросам, обсуждаемым на конференции. См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. М., 1958. С. 84–86.
- ¹¹ История политических партий России. С. 145.
- ¹² Бунин И. Окаянные дни. М., 1995. С. 43.
- ¹³ Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1983. Т. 3. С. 35. Даже тогда, когда было сожжено родовое гнездо А. Блока Шахматово, поэт оправдывал крестьян, утверждая, что так выплеснулся гнев народа за вековое насилие над ним.
- ¹⁴ Блок А. Сочинения : в 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 485.
- ¹⁵ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 77.
- ¹⁶ Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». 1909–1930. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 1. С. 66.
- ¹⁷ Иного мнения придерживался левый эсер И. З. Штейнберг, нарком юстиции Советской России, который считал, что на самом деле «бескровность февральской революции является мифом». См.: Штейнберг И. З. Нравственный лик революции / предисл. Е. Н. Морозовой. М., 2017. С. 7. В. Шульгин сравнивал народ в годы революционных потрясений с вырвавшимся на свободу «страшным зверем». Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1989. С. 179.
- ¹⁸ Цит. по: Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992. С. 178.
- ¹⁹ Из стройного строгого храма / Ты вышла на визг площадей... / – Свобода! – Прекрасная Дама / Маркизов и русских князей... (М. Цветаева).
- ²⁰ М. Пришвин сообщает, что когда торговец книгами на Невском проспекте «вынес томики в зеленой обложке – его окружила огромная толпа, и вскоре от них не осталось и следа. Эта книга была “История французской революции”». Пришвин М. Указ. соч. С. 66.
- ²¹ А. Ф. Керенскому посвящен значительный круг литературы. О путях формирования собственного культа Керенского см.: Колоницкий Б. «Товарищ Керенский» : антимоноархическая революция и формирование «культа вождя революции» (март – июнь 1917 года). СПб., 2017 ; Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905 – 1917). М., 2012 ; Голиков А. Г. Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5. С. 60–73 и др.
- ²² Сходство с Наполеоном Бонапартом в Керенском увидела М. Цветаева : *И кто-то, упав на карту, / Не спит во сне. / Повяло Бонапартом / В моей стране. / Кому-то гремят раскаты. / – Гряди, жених! / Летит молодой диктатор, / Как жаркий вихрь...*
- ²³ Леонидов О. Вождь свободы Керенский. М., 1917. Ср.: Леонидов О. Буденный – вождь Красной конницы. М., 1921.
- ²⁴ Успенский Л. Записки старого петербуржца. Л., 1991. С. 132.
- ²⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 194–195.
- ²⁶ Набоков В. Д. Указ. соч. С. 44. Уже в сентябре 1917 г. «личный момент в политике Временного правительства» (издержки личной власти Керенского), по мнению участников Демократического совещания, ощущался всеми слоями общества как огромный недостаток установившейся системы управления и как результат допущенных просчетов в организации власти. См.: Руднева С. Е. Из истории предпарламента (1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 125. Н. Суханов скептически отмечал, что для Керенского-Бонапарта его Ватерлоо (побег из Зимнего дворца). См.: Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. М., 1992. Т. 3, кн. 6. С. 376.
- ²⁷ Напр. см.: Анненский Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 1995. С. 72.
- ²⁸ Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция : новые подходы к изучению... С. 35–36.
- ²⁹ Горький М. Несвоевременные мысли. С. 79.
- ³⁰ См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней : в 3 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 25 ; История государственного управления России. Ростов н/Д, 2005. С. 323.
- ³¹ Воронов С. Н. Временное правительство и проблема выбора формы государственного устройства России // Проблемы истории государственного управления : государственные аппарат и реформы в России (к 200-летию министерской системы управления в России) / под ред. Д. И. Раскина : в 2 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 524. В Манифесте об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти от 3 марта 1917 г. говорилось : «...призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа». См.: Российское законодательство Х–XX вв. : в 9 т. Т. 9. М., 1994. С. 126–127. Текст отречения Михаила был составлен правоведами, членами ЦК партии кадетов – В. Д. Набоковым и Б. Э. Нольде при участии В. Шульгина. См.: Власть и реформы : от самодержавной к советской России. М., 2006. С. 590 ; Искендеров А. А. Февральская революция и отречение Николая II от престола // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 78 – 121. Интересно, что М. Цветаева в поэтической форме высказала эту мысль так : *Пал без славы орел двуглавый! – Царь! – Вы были неправы / Помянет потомство / Еще не раз – / Византийское вероломство / Ваших ясных глаз.*
- ³² Власть и реформы : от самодержавной к советской России. С. 590 ; ср.: Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России : от рюриковичей до олигархов. М., 2005. С. 140.
- ³³ Власть и реформы : от самодержавной к советской России. С. 591.
- ³⁴ Соболев Г. Л. Ценный источник об истории революционного процесса в России в марте – октябре 1917 года // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 158–166. Для «непрерывного контроля над правительством была создана так называемая «контактная комиссия», в большинстве своем состоявшая из представителей меньшевиков различных направлений во главе с А. Церетели, авторитет которого, его способность к компромиссам,

- сразу выдвинули его на «ведущее положение» в исполкоме Петросовета. Там же. С. 159.
- ³⁵ См.: *Россия XX век. Документы и материалы* : в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 122.
- ³⁶ См.: *Пайнс Р.* Русская революция : в 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 324.
- ³⁷ *Гайда Ф. А.* Февраль 1917 года : революция, власть, буржуазия // *Вопросы истории.* 1996. № 3. С. 37.
- ³⁸ *Набоков В. Д.* Указ. соч. С. 75.
- ³⁹ См.: *Герасименко Г. А.* Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // *Вопросы истории.* 2005. № 7. С. 3–22 ; *Измозик В. С.* Временное правительство : люди и судьбы // *Вопросы истории.* 1994. № 6. С. 153–168 ; *Иоффе З. Г.* «Долой Временное правительство!» (судьбы «временных» после падения Зимнего // *Отечественная история.* 2006. № 5. С. 109–116 ; *Интеллигенция у власти : Временное правительство в 1917 г. : междунар. семинар историков // Отечественная история.* 1999. № 4. С. 103–112 ; *Розенберг У.* Формирование новой Российской государственности // *Отечественная история.* 1994. № 1. С. 3–22. Ряд проблем, связанных с формированием государственного аппарата в постфевральский период рассматриваются в статье : *Морозова Е. Н., Раскин Д. И.* Становление советской государственности : использование имперского наследия в сфере центрального управления // *Новейшая история России / Modern History of Russia. Междисциплинарный науч.-теор. журн.* 2017. № 3 (20). С. 7–20.
- ⁴⁰ *Герасименко Г. А.* Судьба демократической альтернативы в России 1917 года... С. 7.
- ⁴¹ См.: *Тютюкин С. В.* Новая книга об альтернативах российской истории : И. В. Карацуба, И. В. Курукин, Н. П. Соколов. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России : от Рюриковичей до олигархов (М., 2005) // *Отечественная история.* 2006. № 5. С. 141 ; *Гайда Ф. А.* Февраль 1917 года : революция, власть, буржуазия. С. 37 ; *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 117–120.
- ⁴² *Интеллигенция у власти : Временное правительство в 1917 г. ...* С. 103–112.
- ⁴³ *Геллер М., Некрич А.* Указ. соч. С. 27.
- ⁴⁴ Г. В. Плеханов считал «Апрельские тезисы» «бредом» и сравнивал их с «Записками сумасшедшего». Активным противником «Апрельских тезисов» был А. Церетели, который выступал против их основной идеи – перехода ко второму этапу революции – социалистическому. Он подчеркивал необходимость поддержки Временного правительства, указывая, что «это представители той буржуазии, которые на общей демократической платформе условились отстаивать русскую свободу вместе с демократией». См.: *Политические деятели России. 1917.* М., 1993. С. 339. Даже редакция «Правды», опубликовавшая эти тезисы 7 апреля, заявляла в редакционном комментарии о неприемлемости «общей схемы т. Ленина». См.: *Геллер М., Некрич А.* Указ. соч. С. 26–27.
- ⁴⁵ Показательно письмо А. Блока матери о происходящих событиях : «Произошло чудо, следовательно, будут еще чудеса. Никогда и никто из нас не мог думать, что будет свидетелем таких простых чудес, совершающихся ежедневно». См.: *Блок А.* Собрание сочинений : в 6 т. Л., 1983. Т. 6. С. 275.
- ⁴⁶ Несмотря на создание Министерства труда во главе с меньшевиком Скобелевым, имеющим достаточно широкие полномочия по закону от 11 июля 1917 г., оно не смогло их реализовать. См.: *Орлова Н. Е.* Министерство труда Временного правительства // *Проблемы истории государственного управления...* С. 177.
- ⁴⁷ *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 29.
- ⁴⁸ Интересные мысли по этому поводу высказаны М. Пришвиным: «Земля – это закон необходимости. Так мыслит свободный. А раб мыслит: земля – свобода, воля – захват». См.: *Пришвин М.* Леса к «Осударевой дороге». С. 66.
- ⁴⁹ Уже в своем обращении «К населению России» от 6 марта Временное правительство заявляло о том, что «приложит все силы» для доведения войны до победного конца» и «будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзами и неуклонно исполнит заключенные союзниками обязательства». См.: *Россия. XX век : документы и материалы...* Т. 1. С. 124.
- ⁵⁰ *Архив русской революции* : в 22 т. М., 1991. Т. 1. С. 78.
- ⁵¹ Например, Н. Верт утверждает, что июльские события стали первой попыткой взять власть в свои руки путем заговора, который был спровоцирован «военкой». См.: *Верт Н.* История Советского государства. М., 1995. С. 92.
- ⁵² Подробнее см.: *Злоказов Г. И.* Материалы особой следственной комиссии Временного правительства об июльских событиях 1917 г. // *Отечественная история.* 1999. № 5. С. 73–87. Именно эта точка зрения, выраженная в указанных протоколах, стала официальной точкой зрения советской историографии.
- ⁵³ *Горький М.* Несвоевременные мысли. С. 91–92.
- ⁵⁴ *Орлова Н. Е.* Министерство труда Временного правительства. С. 177.
- ⁵⁵ *Кабытова Н. Н.* Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002 ; *Рейли Д.* Политические судьбы российской губернии : 1917 год в Саратове. Саратов, 1995 ; *Румянцев Е. Д.* К истории формирования комитетов общественной безопасности Казанской губернии в 1917 году // *Проблемы культуры и искусства : традиции и современность.* Казань, 1994. С. 134–172.
- ⁵⁶ *Кабытова Н. Н.* Власть и общество российской провинции... С. 40.
- ⁵⁷ *Кабытова Н. Н.* Компетенция министерства Внутренних дел Временного правительства в местном управлении (1917 г.) // *Проблемы государственного управления...* С. 178 ; *Баженова Т. М.* Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства // *Научные труды Свердловского юридического университета.* Свердловск, 1975. Вып. 44. С. 70–74. Проблема реформы земского самоуправления в постфевральский период рассматривается в весьма интересной статье : *Гордеев О. Ф.* Временное правительство и земская реформа в России // *Вестник КрасГуа.* 2006. № 11. С. 361–373.

- ⁵⁸ Герасименко Г. А. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 244. В. Д. Набоков считал назначение комиссаров Временного правительства «легкомысленной и необдуманной импровизацией», ««лишенной» всякого смысла замены одних чиновников другими, далеко не лучшими». В целом он считал меры Временного правительства на местах крайне неудачными, повлекшими за собой самые печальные последствия. См.: Набоков В. Д. Указ. соч. С. 32–33.
- ⁵⁹ Вязникова Т. Г. Правовой статус органов местного самоуправления в России в марте-октябре 1917 года // Проблемы государственного управления... С. 255.
- ⁶⁰ Напр. см.: Кузьмин-Караваев В. Д. Земство и деревня. М., 1904.
- ⁶¹ Герасименко Г. А. История земского самоуправления. Саратов, 2003. С. 240.
- ⁶² Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции... С. 6.
- ⁶³ Рейли Д. Указ. соч. С. 84.
- ⁶⁴ Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции... С. 51.
- ⁶⁵ Рейли Д. Указ. соч. С. 332–333; Герасименко Г. А. Народ и власть... С. 247.
- ⁶⁶ Герасименко Г. А. Народ и власть... С. 261–263.
- ⁶⁷ Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции... С. 122.
- ⁶⁸ Россия на рубеже веков : исторические портреты. С. 182.
- ⁶⁹ Тютюкин С. В. Меньшевизм : Страницы истории. М., 2002. С. 142.
- ⁷⁰ Краснов П. На внутреннем фронте // Архив русской революции : в 22 т. М., 1991. Т. 1. С. 186.
- ⁷¹ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3, кн. 5–7. С. 120.
- ⁷² Рейли Д. Указ. соч. С. 331.
- ⁷³ Власть и реформы : от самодержавной к советской России... С. 615.
- ⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1962. Т. 34. С. 221, 236, 285.
- ⁷⁵ В агитационно-пропагандистской борьбе большевики привлекали и лозунги других партий. Впоследствии Н. Суханов, оценивая позиции социалистических партий, в том числе и меньшевиков, заявлял : «Мы ушли неизвестно куда и неизвестно зачем... Мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, уступив им арену революции». См.: Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3, кн. 6. С. 389 ; левый эсер И. З. Штейнберг также признавал вину своей партии перед революцией, ибо она «не совершила всего, что можно было сделать». Штейнберг И. З. Указ. соч. С. 55.

Образец для цитирования:

Морозова Е. Н. Великая русская революция 1917 года: от февральских событий до октябрьского переворота // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 35–44. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-35-44.

Cite this article as:

Morozova E. N. Great Russian Revolution of 1917: from the February Events to the October Overturn. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 35–44 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-35-44.